

И сеть замысловатой лжи плели,
Решившись в первый раз на суетность обмана.

Сэр Вальтер Скотт. Мармион

Англия, 1835

Глава I

— Такого просто не может быть!

Леди Мередит Брукшир раздраженно мерила шагами гостиную. В кулаке она крепко сжимала скомканное письмо, доставленное с последней почтой.

— Дай и мне взглянуть, а то ты его сейчас порвешь, — нетерпеливо взмахнув рукой, попросила ее тетушка.

Мередит бросила взгляд на скомканную бумагу и быстро протянула письмо тете с таким видом, словно это была ядовитая змея. Впрочем, погребальный звон и впрямь сейчас звучал в ее сердце.

Нашелся... нашелся *новый* лорд Брукшир. В послании речь не шла о том, где же они его отыскивали, но Мередит не сомневалась — в самое ближайшее время он свалится им на голову, как стервятник, почуявший легкую добычу.

Женщину одолевали мрачные мысли. Несмотря на глубокую убежденность поверенных ее покойного мужа в том, что он давно мертв, они все же развернули бурную деятельность и в конце концов отыскали *нового* лорда. Несносные адвокатишки! Зачем им потребовалось столь скрупулезно следовать букве закона?

Тетушка разгладила скомканный лист бумаги и принялась читать. С каждой секундой недоумение на ее лице все возрастало.

— Дорогая! Разве он не умер?

Мередит продолжала нервно расхаживать по комнате, потирая запястьем лоб в тщетной попытке унять начинающуюся головную боль.

— Если это не бестелесный дух собирается заявиться к нам, то Николас Колфилд все еще жив

и пребывает в совершеннейшем здравии. Он намерен предъявить права на свое наследство.

Женщина замерла на месте, только сейчас в полной мере осознавая все разрушительные последствия появления в ее жизни Николаса Колфилда. Бедность и полное унижений прозябание. Злой рок тяжелым камнем лег ей на грудь.

Колфилд наверняка поспешит избавиться от присутствия в доме вдовы своего сводного брата и немногочисленной родни, живущей с ней под одной крышей. А что дальше? У них нет никого близкого, кто бы согласился приютить их. После смерти Эдмунд ничего не оставил *лично ей*. Не то чтобы Мередит надеялась на это, учитывая, сколь мало заботы и участия он оказывал жене на протяжении долгих лет, однако... Она не предполагала, что ее супруг умрет таким молодым. Ему исполнилось всего-то тридцать пять лет. Во время нечастых встреч Эдмунд казался ей вполне здоровым человеком.

Пальцы на опущенных руках сжались в кулаки.

— Чертов Эдмунд! Разве мужа не выделяют женам долю в наследстве на случай своей непредвиденной смерти?

— Не сквернословь, родная! Не стоит плохо отзываться о покойных, — неодобрительно шикнула на нее тетушка Элеонора. — Сейчас, когда мы тут беседуем, он и так, без сомнения, испытывает адские муки в преисподней.

Мередит едва заметно улыбнулась. Злость совершенно не была свойственна характеру тети. Ноздри тетушки Элеоноры трепетали от презрения.

— Учитывая все те невзгоды, которые он накликал на твою голову, Всевышний едва ли отнесется к нему снисходительно, когда милорд предстанет пред Его очи на Страшном суде.

— Ничего особенно неприятного в моей жизни не было, тетушка. — Ложь слетала с языка Мередит с привычной непринужденностью. — Он не являлся жестоким человеком, никогда меня не обижал, Эдмунд просто... — Женщина запнулась, не находя подходящее слово, наконец, передернув плечиками, она закончила фразу: — Отсутствовал дома.

— И это «отсутствие» затянулось на семь лет! — Тетушка Элеонора никак не желала успокаиваться.

Признаться, Мередит были хорошо знакомы и успели наскучить все эти возмущения тети по поводу жизненной позиции ее племянницы.

— Меня вполне устраивало подобное положение вещей. — И вновь она соврала не задумываясь. *Устраивало?* Если уж начистоту — она просто свыклась со своим одиночеством. — Многие жены были бы только рады избавиться от навязчивого внимания своих мужей.

— А вот лично *мне* твой супруг принес множество неудобств. Взгляни-ка на это ужасное платье! Нельзя плохо отзываться о мертвых, пусть даже у них была столь порочная душа, как у милорда, но я и слова доброго не скажу о нем после того, как нам приходится облачаться в столь уродливые одеяния. — Тетушка с отвращением одернула туго накрахмаленную легкую полушерстяную ткань своего траурного платья. — Я не хочу целый год носить черное, особенно *по нему*. У меня к тому же нет черной шляпки.

Мередит бросила взгляд на свое собственное убранство и нахмурилась. Тетя совершенно права. Ничто не в состоянии украсить платье столь чудовищного вида. Шляпка здесь не поможет.

Тетушка Элеонора окинула племянницу хмурым взглядом.

— Сейчас ты больше похожа на призрак, чем на живого человека. Ты совсем себя загоняла.

Мередит тяжело вздохнула и со скорбным выражением лица дотронулась до щеки. Если не обращать внимания на несносные веснушки, кожа у нее белая словно молоко. С такой кожей — в черном платье или не в черном — она все равно похожа на привидение.

— Мы живем не в столице, а в Эттингеме. Кто нас осудит за сокращение траура, скажем, до трех месяцев? — продолжила излагать свою мысль тетюшка Элеонора, передернув худенькими плечиками. — Все знают, что ваш брак не заладился с самого начала. Никто не станет осуждать нас, если мы немного отойдем от правил.

— У меня был вполне сносный брак.

Мередит сердито уставилась на тетюшку, задетая за живое тем, что о ее несчастье «все знают». Если уж и следует кого-то винить за это, так саму тетюшку Элеонору, которая не преминула пожаловаться на горькую судьбу племянницы всем в Эттингеме, кто согласен был выслушать ее.

— Чушь! Милорд до неприличия пренебрежительно относился к тебе.

— Лишь ты находила его поведение очень уж неприличным, — возразила Мередит, сохраняя стоическую невозмутимость.

Что ни говори, а за прошедшие годы она преуспела в этом. Бывали дни, когда Мередит почти верила, будто годы невнимания со стороны мужа ее нисколько не задевают. Вот только присутствие тети всегда выводило молодую женщину из душевного равновесия.

— Отвратительно! То, как он оставил тебя здесь, просто отвратительно! — с неумолимостью продолжала настаивать на своем тетушка Элеонора. — Готова поклясться, не этого хотел граф. Быть может, и хорошо, что старый джентльмен не дожил до того дня, когда его сын бросил тебя.

— Не сомневаюсь, что род графа не оборвется, вот только внуки будут от другого его сына...

Мередит тяжело опустилась на козетку¹. Руки женщины безвольно повисли.

— Тебе следовало бы родить этих наследников. Если бы Эдмунд был достойным мужем, у тебя сейчас была бы дюжина младенцев. Он даже не вступил с тобой в отношения после брака...

— Прошу тебя! — Мередит подняла руку, останавливая словоизлияния тети.

Некоторые воспоминания слишком болезненны, чтобы вслух воскрешать их. Она до сих пор не могла избавиться от горечи той ночи, когда Эдмунд отказался выполнить свой супружеский долг и покинул ее.

— Теперь же нас лишают Оук-Рана, а ведь хозяйство держалось только на тебе. Ты следила за домом, управляла слугами, решала все вопросы с арендаторами, занималась сбором урожая, ведала делами на молочной ферме... — загибая пальцы, принялась перечислять тетушка.

— Знаю... знаю... — перебила ее Мередит. — Как-нибудь обойдусь без напоминаний.

¹ Козетка — двухместный диван или кушетка. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

Внезапно выступившие слезы щипали глаза. Женщина заморгала, стараясь не дать им предательски заструиться по ее щекам. Даже узнав, что Николас Колфилд жив и вскорости унаследует все, Мередит сохраняла внешнюю видимость спокойствия. Впрочем, еще один брошенный камень вполне может разбить вдребезги эту стеклянную хрупкость кажущейся невозмутимости.

Оук-Ран стал домом ее сердца. Она сделала его таким. Мередит приказала поменять обстановку особняка. По ее инициативе вокруг старого поместья елизаветинских времен разбили цветущий сад. Женщина не желала потерять Оук-Ран. Она не сдастся без боя. А еще ей приходится думать не только о собственном благе. Надо заботиться о тетушке и об отце. Кроме того, не стоит забывать о Мари и Нелсе. Ради их блага она должна быть сильной и побороться за их общий дом.

— Я не хочу отдавать Оук-Ран, — скрестив руки на груди и обняв себя за плечи, заявила Мередит. — Должен же быть какой-нибудь выход.

— Да, но тебе следует поспешить, — недовольно пробурчала тетушка, в очередной раз без малейшего зазрения совести перекладывая ответственность за собственную судьбу на плечи племянницы. — У нас теперь даже домика приходского священника не осталось. Нам некуда возвращаться.

Мередит тяжело вздохнула. У нее начиналась головная боль.

Тетушка, чья худенькая фигурка напоминала своей хрупкостью мазок кисти художника, встала с расшитой цветочным узором кушетки и подошла к позолоченной каминной полке. Не успела племянница и глазом моргнуть, как родственница схватила оттуда одну из множества хрустальных безделушек, расставленных на полке, и спрятала дорогую вещь себе в карман.

— Тетушка! — предостерегающе обратилась к ней племянница, но не смогла сдержать срывающегося с уст смеха.

Тетя Элеонора широко раскрыла глаза, изображая чистейшую невинность.

— Разве мы теперь не должны сами позаботиться о себе, дорогая?

Тетушка всегда старалась приободрить племянницу. Именно тете пришлось утешать Мередит, когда девушка проснулась на холодном брачном ложе, а резкие слова Эдмунда еще звучали в ее ушах. Тогда Мередит думала, что просто не переживет случившегося.

То, что сын графа пожелал сочетаться с ней законным браком, казалось сродни чуду. Она полагала, что, коль скоро Эдмунд сделал предложение ей, старомодно одетой дочери приходского священника, он должен быть без ума влюблен в нее, но житейская логика на сей раз подвела ее.

Мерedit вновь вспомнила события той первой брачной ночи и мысленно вздрогнула. Кажется, этой кровоточащей ране никогда не суждено затянуться. Впрочем, Мерedit уже не была той наивной восемнадцатилетней девчонкой. Она поумнела, набралась житейской мудрости и больше не надеялась на то, что рыцарь в сверкающих доспехах примчится к ней на помощь.

Жизнь научила ее, что мир не для неженков. Лишь от мужской воли зависело, будет она жить в роскоши либо в нужде. Никогда больше Мерedit не доверит свое спасение мужчине. Никогда не поверит в любовь, по крайней мере, в любовь по отношению к ней самой со стороны мужчины. Лучше уж ее сердце превратится в маленький твердый камень. Каменное сердце никто не сможет разбить.

Вот только и оно все равно способно испытывать страх, страх оказаться в зависимости от незнакомца. Теперь ее судьба находится в руках человека, который с легкостью может выгнать ее из дому без пенни за душой. Они, в конце концов, родственники не по крови. Николас Колфилд ничем не обязан ей.

Если бы от Мерedit никто не зависел, она легко смогла бы найти себе место гувернантки или пойти в компаньонки к какой-нибудь леди. Но ей приходилось заботиться и о других.

Ее отец, да благослови Господь его душу, становился все большей и большей обузой. Своим несуразным поведением он пугал домашнюю прислугу. Вчера он напал на горничную, которая пришла менять постельное белье в его спальне. Отец вопил, что она испанская шпионка, посланная за тем, чтобы отравить его. Батюшка Мерedit всю жизнь увлекался историей и теперь черпал в ней пищу для своего безумия. Временами он воображал себе, что за окном XVI век, а папские шпионы готовят убийство королевы Елизаветы. Новый граф, без сомнения, пожелает избавиться от такого жильца. Никто не захочет, чтобы по дому бродил полоумный старец. С тех пор как отец стал таким несносным, половина слуг, не выдержав, попросили расчета. Остались наиболее покладистые, вроде Мари и Нелса. В прошлом бродячие актеры, они не

могли считаться домашней прислугой в полном понимании этого слова. Их судьба также во многом зависела от нее.

Отчаяние, резкое, словно уксус, поднималось в Мередит, грозя задушить ее. Если бы только она могла унаследовать Оук-Ран. Если бы только могла родить Эдмунду наследника... Тогда ничего плохого им не грозило бы... Если бы только...

Мередит замерла и слегка покачала головой. Она и прежде тосковала о ребенке, но никогда еще эта тоска не была столь всеобъемлющей. Подойдя к камину, молодая женщина стала подле своей тети. Опершись локтем о позолоченную поверхность, произнесла:

— Жаль, что я не смогла родить ему наследника.

Тетушка, повернув голову, пристально взглянула на племянницу своими чуть прищуренными, проницательными глазами. У Мередит закололо в области затылка.

Достав из кармана платья хрустальную безделушку, тетя Элеонора осторожно поставила ее обратно на каминную полку, легким движением провела по хрусталию рукой так, словно гладила его, а затем с обманчивой безмятежностью поинтересовалась:

— Когда написано письмо?

— А что такое?

— Просто любопытно, — прикоснувшись пальцем к губе, задумчиво произнесла тетушка. — Сколько времени есть у меня для того, чтобы распространить приятную весть о том, что моя племянница ожидает ребенка от покойного графа, прежде чем заявит этот Николас Колфилд?

После довольно продолжительной паузы Мередит наконец разомкнула уста. Говорила она не спеша, с расстановкой, словно старалась вразумить неразумного ребенка. Видно было, что дается это ей с трудом.

— Не получится. Я уже много лет не видела Эдмунда. К тому же мы так ни разу и не poznали друг друга... — Щеки ее покраснели из-за того, что приходилось обсуждать с родственницей столь деликатные материи. — Мы так по-настоящему и не стали мужем и женой...

— Я это знаю, но больше — никто.

Глаза Мередит округлились. До нее наконец-то дошло.

— Не хочешь же ты... — Она прижала ладонки к горящим от смущения щекам, не в силах закончить свою мысль.

— У тебя есть что предложить получше? Лично я не собираюсь жить на улице. Влачить нищенское существование — это не по мне.

— Ну... Нет. Должен же быть другой выход. Мы даже не знаем нового графа. Быть может, он окажется...

— Сама доброта и великодушие, — совсем неподобающим для воспитанной дамы образом фыркнула тетушка Элеонора. — Весьма сомневаюсь. Как-никак, а он приходится родней Эдмунду. Уверена, что Николас столь же бессердечен, как и его брат.

— Надеюсь, он позволит нам остаться жить во вдовьем домике...

Произнося эти слова, Мередит осознала, насколько неубедительно они звучат. Ни на секунду молодая женщина сама не поверила в возможность благородства со стороны брата Эдмунда, если уж ее покойный супруг особым великодушием и снисходительностью не отличался. Кровь есть кровь, что бы кто ни говорил.

— Уж скорее он окажется бессердечным, жадным негодяем, который тот час же распорядится выгнать нас из дому, — затараторила тетушка Элеонора, трясая головой, облаченной в ярко-красную шляпку без полей. — Ты ничего не потеряешь, пойдя на этот обман, Мередит. Это обман во благо, поскольку он нас спасет.

Обман во благо. Невидимая веревка, обхватив грудь, сжалась так, что Мередит стало трудно дышать.

— Допустим, новый граф окажется несносным человеком и я последую твоему совету, — решив не пререкаться с тетушкой, произнесла Мередит, кивнув при этом. — Что со мной станется, когда он узнает, что я ему соврала? Не упечет ли он меня за это в тюрьму?

— А как он узнает? Не станет же граф лично осматривать тебя?

Мередит сжала пальцы в кулаки, желая унять страстный порыв схватить тетю и хорошенько встряхнуть, чтобы таким образом вернуть толику здравого смысла в ее голову.

— Лишь вдумайся в то, что ты мне сейчас советуешь. Даже я знаю, что женщина в положении должна рано или поздно решиться от бремени. И как мне достичь этого?

Тетушка Элеонора вновь уселась на кушетке, подобрала брошенное там же рукоделие и беспечно пожала плечами.

— Мы найдем ребенка.

— Найдем ребенка? — повторила вслед за ней племянница, изумленно взирая на то, как тетушка проворно орудует иглой

и ниткой. Почувствовав легкое головокружение, Мередит слегка потрянула головой и сухо поинтересовалась: — Где? На базаре?

— Уверена, Нелс и Мари смогут нам помочь в этом дельце. Они весьма сообразительны. Разумеется, нам придется посвятить их в наше предприятие, но им можно всецело довериться, — говорила пожилая женщина, не сводя с племянницы взгляда своих пронизательных глаз. — Сироты в этой стране никогда не переводятся. Сиротские приюты немногим лучше домов скорби для умалишенных. Мы можем спасти одного ребенка от уготованной ему незавидной судьбы. Этим послужим Божьему промыслу.

Наступила очередь Мередит хмыкать.

— Не уверена, что за такое деяние Всевышний поставит звезду напротив наших имен в своей книге.

Иголка замерла в руке тетушки Элеоноры. Она, призадумавшись, склонила голову.

— Мальчик придется кстати. Он станет наследником. Девочка не сможет вернуть нам то положение в обществе, которое ты занимала до смерти мужа.

Иголка возобновила свои монотонные движения.

Понимая корыстность подоплеки рассуждений тети, Мередит даже не пыталась оспорить логику ее слов. Молодая женщина чувствовала, что сдает позиции, поэтому озвучила еще одно возражение:

— Я не представляю, как растить ребенка...

— Ерунда. Ты со всем справишься. Тебе всегда хотелось стать матерью. Теперь будешь иметь шанс осуществить это. — Тетушка Элеонора содрогнулась всем телом так, словно перспектива материнства вызывала в ее душе неподдельное отвращение. — И это хорошо, ибо тебе придется справляться самой. От детей в доме ужасный беспорядок, особенно от мальчиков. Ты будешь вынуждена заниматься воспитанием малыша.

Перспектива одной растить ребенка отнюдь не пугала Мередит. Как раз наоборот. При мысли о малыше на сердце у нее сразу потеплело. Но ей предстояло обманывать того, кто должен стать новым графом Брукширом, и от этого душа ее вновь наполнилась тревогой. А какой у нее вообще есть выбор? Либо пойти на обман, либо прожить оставшуюся жизнь в благопристойной бедности, страдая от непомерных требований взбалмошной тетушки и немощного отца.